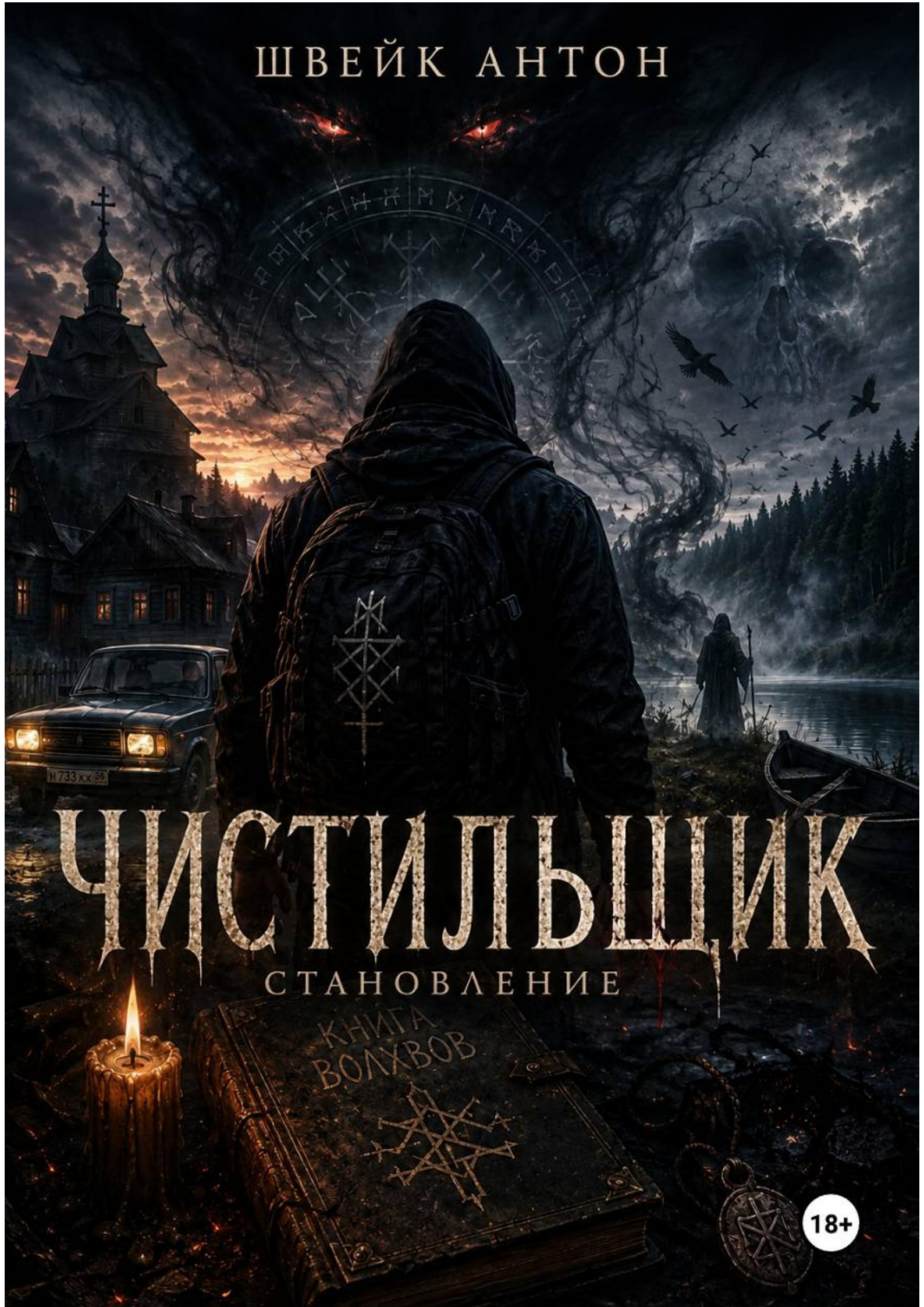

ШВЕЙК АНТОН

ЧИСТИТЕЛЬЩИК

СТАНОВЛЕНИЕ

КНИГА
ВОЛХВОВ

18+

АНТОН ШВЕЙК
Чистильщик. Становление

«Автор»

2026

Швейк А.

Чистильщик. Становление / А. Швейк — «Автор», 2026

Когда младший брат Марка — семнадцатилетний Сергей — исчезает при загадочных обстоятельствах, юноша оказывается втянут в пугающий и необъяснимый мир, где реальный мир — лишь верхушка айсберга. В поисках истины он сталкивается с древними силами, забытыми знаниями рода волхвов и существами, о которых никто не осмеливается говорить вслух. "Чистильщик" — это история о боли и любви, о страхе и принятии, о тех, кто ушёл, и тех, кто готов за них бороться. Мистика, семейная драма и славянская мифология переплетаются в этой истории, оставляя послевкусие, которое не отпускает.

© Швейк А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1. Первый контакт с необъяснимым	5
2. Тихая гавань.	7
3. Бесконечность темного пространства	9
4. Разговор "по душам"	11
5. И раздался крик	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Антон Швейк

Чистильщик. Становление

1. Первый контакт с необъяснимым

Первый раз я столкнулся с чем-то необъяснимым в тот знойный день на первом курсе. Тогда я был абсолютно уверен, что мир вокруг прост и понятен, а всё на свете можно легко объяснить логикой или наукой. Я ведь считал себя довольно смышленным парнем — как-никак, мозгов хватило поступить в университет на бюджет. Жизнь казалась прямой дорогой: отучусь, найду работу, всё будет нормально. Но тот день полностью перечеркнул мою наивную уверенность.

Был конец учебного года. Нас, первокурсников, отправили на так называемую практику — заманивать абитуриентов на наш факультет. Мы стояли на жаре с самого раннего утра. Я то и дело переминался с ноги на ногу, пытаюсь найти хоть какую-то тень от рекламного стенда, натянуто улыбался прохожим, раздавал дурацкие листовки и механически повторял заученные фразы про «великолепные карьерные перспективы».

К обеду я окончательно вымотался. Футболка прилипла к спине, во рту пересохло, а от постоянного мельтешения людей перед глазами начало рябить. Когда нас наконец отпустили, я даже не пошел с ребятами за шаурмой. Хотелось только одного: добраться до дома, залезть под холодный душ и упасть на кровать. Я медленно брел по раскаленному асфальту, машинально переставляя ноги. Свернул в свой старый, заросший тополями двор. Здесь хотя бы была спасительная тень от деревьев. Я достал телефон, чтобы проверить время, тяжело вздохнул и пошел по узкой дорожке вдоль кирпичных пятиэтажек.

Проходя мимо соседнего дома, я случайно поднял голову. На балконе четвертого этажа грузная женщина развешивала белье. Самая обычная тетка в старом застиранном халате, который едва сходил у неё на груди. Она тяжело дышала, перекидывая мокрые простыни через веревку, и выглядела очень уставшей.

А потом я заметил странность. Прямо над её головой в воздухе висел черный шар. Я сначала подумал, что это просто «мушки» перед глазами от жары и переутомления. Знаете, так бывает, когда долго смотришь на солнце, а потом моргаешь — и перед глазами плавают темные пятна. Я сильно зажмурился, потряс головой и снова посмотрел вверх. Пятно не исчезло. Это был именно шар, идеально круглый, размером примерно с футбольный мяч, абсолютно черного, матового цвета. Он висел прямо над затылком женщины и медленно вращался.

Я, наверное, слишком долго стоял с открытым ртом, пялясь вверх, потому что женщина вдруг перестала возиться с бельем и посмотрела вниз.

— Чего вылупился?! Трусов не видел? — раздраженно крикнула она. Голос у неё был хриплый, недовольный.

Мне стало жутко неловко. Щеки вспыхнули. Я же просто обычный студент, а тут стою и разглядываю чужие балконы, как какой-то извращенец.

— Извращенец малолетний! — крикнула она мне в спину, подтверждая мои мысли.

Я опустил глаза в землю, ускорил шаг и почти побежал к своему подъезду, ругая себя за то, что вообще остановился. «Надо просто выспаться, — подумал я, — тогда и шары мерещиться перестанут».

Я успел отойти совсем недалеко. Может, метров на тридцать.

А потом за спиной раздался звук. Сначала был резкий, металлический скрежет — так скрипят вырываемые с корнем старые ржавые гвозди. Затем последовал короткий, обрывающийся вскрик. И почти сразу же — тяжелый, влажный и оглушительный удар обо что-то твер-

дое. Этот звук не был похож на падение мешка с картошкой или телевизора. В нем была какая-то тошнотворная мягкость.

Я замер. Сердце почему-то сразу ухнуло куда-то в желудок. Дыхание перехватило. Я медленно, словно в дурном сне, обернулся.

Женщина лежала на сером асфальте прямо под своим балконом. Вместе с ней вниз рухнула деревянная рама с веревками, накрыв её мокрыми белыми простынями.

Я не помню, как подошел ближе. Ноги сами понесли меня туда, хотя разум кричал бежать прочь. Мозг отказывался верить в реальность происходящего. Еще минуту назад она кричала на меня, живая, злая, настоящая. А сейчас...

Простыня сползла с её лица. Я остановился в нескольких метрах, чувствуя, как к горлу подкатывает едкая тошнота. Женщина лежала в неестественной, изломанной позе. Её правая нога была вывернута под невыносимым углом так, что колено смотрело назад, а сквозь порванный халат торчал блестящий на солнце влажный осколок кости. Из-под головы по раскаленному асфальту уже расплзалась густая, темная лужа, пачкающая белую ткань. В воздухе мгновенно запахло чем-то сладковато-железным.

Но самое страшное было не это. Самым страшным было то, что она была еще жива. Её рот ловил воздух мелкими, частыми глотками, из уголков губ пузырилась розовая пена. Глаза — широко распахнутые, вылезшие из орбит — бешено металась, пока не наткнулись на меня. В этот момент меня словно ударило током. В её взгляде не было злобы или раздражения, которые я видел минуту назад. Там бился чистый, первобытный ужас. Она осознавала, что умирает. Она чувствовала эту запредельную боль, каждую разорванную мышцу, каждую сломанную кость, и умоляла о помощи глазами, не в силах издать ни звука из-за пробитых легких.

Я стоял парализованный. Я хотел кричать, хотел позвать на помощь, но горло сковало спазмом. Меня трясло крупной дрожью. Вся моя уютная, логичная картина мира рухнула вместе с этим телом на асфальт. Смерть была здесь, настоящая, уродливая, грязная, и она смотрела на меня глазами этой женщины. Её зрачки дернулись, взгляд застыл, сделавшись стеклянным и пустым. Грудь впала в последний раз и больше не поднялась.

И в этот момент над её изувеченным телом снова появился тот самый черный шар.

Теперь я знал, что это не галлюцинация. Он стал больше, словно надулся от пролитой крови или впитал её последний вздох. Шар медленно отделился от мертвой головы и поплыл прямо ко мне. Воздух вокруг него как будто искажался, как над горячим асфальтом.

Он остановился в метре от моего лица. И тут в моей голове раздался крик. Это не был звук, который воспринимают уши. Он вонзился ледяной иглой прямо в мой мозг. Это был пронзительный женский вопль, в котором смешались невыносимая боль от удара и бесконечный, разрывающий душу страх. Меня согнуло пополам от этой волны чужого отчаяния. Казалось, эта тьма высосала из меня все радостное, оставив только липкую, парализующую панику.

А потом шар просто метнулся за дом и исчез.

Вокруг уже бегали люди, кто-то кричал, кто-то судорожно звонил в скорую. Какая-то старушка причитала, закрывая лицо руками. А я просто отшатнулся от мертвой женщины, деревянными руками достал из кармана сигарету и попытался прикурить. Дешевая зажигалка выскользнула из трясущихся пальцев и звякнула об асфальт. Мой мир навсегда перестал быть прежним. Вся моя логика и наука умерли там, под залитыми кровью белыми простынями.

2. Тихая гавань.

Этим летом, завершив учебную практику, я отправился на каникулы в свою деревню — ту самую, где провёл детство, прежде чем уехать в город учиться в университете. Место, которое запомнилось мне теплом бабушкиных объятий и шелестом старых берёз за окном, теперь казалось чужим даже на расстоянии.

В деревне меня ждали бабушка Нюра, её сын Андрей с женой Ольгой и двое их детей — Никита и Лера, погодки с одинаково серьёзными глазами, будто видевшие что-то большее, чем позволял их возраст. Там же был мой младший брат Сергей. Наши с ним родители развелись пять лет назад, после чего мать уехала на юг, оставив нас без малейших признаков сожаления. Говорили, что ей хорошо живётся под палящим солнцем, где нет ни забот, ни воспоминаний о прошлом. А отец... Он исчез в северных болотах, утопив себя в работе. Мы редко виделись, только когда на севере таял лёд и работа там останавливалась. В этот раз он решил остаться подольше, зарабатывая на жизнь, словно пытаясь искупить какую-то вину.

Дом, в котором мы с Сергеем когда-то жили, продали после развода. Родители решили купить простенькую квартиру в городе — не для себя, а на всякий случай, чтобы у нас с братом было место, куда можно сбежать из деревни, если станет невмоготу.

Я долго не мог простить мать, но время сгладило острые углы, а заботы о будущем заглушили боль. Не так, как у Сергея. Он скучал по ней, и разговоры об этом становились всё тяжелее. Я старался быть старшим братом: выслушивал, утешал, но мягко подталкивал к мысли, что нужно стать сильнее, иначе тоска разъест его изнутри.

Дорога до деревни была долгой и унылой. Сначала три часа на автобусе, затем пересадка на старый проржавевший ПАЗик. Этот скрипучий гроб на колёсах курсировал в определённое время, возя людей туда-сюда по разбитой глинистой дороге, когда-то вымощенной камнями. Камни уходили в землю, словно их тянуло что-то из глубин, и каждый раз, когда колёса проезжали по этим ямам, я ощущал мерзкий холодок под ложечкой.

Когда я наконец добрался до знакомых ворот, солнце уже цеплялось за горизонт, заливая окрестности кроваво-красным светом. Я открыл скрипучие ворота, и они застонали так, словно что-то живое выдохнуло в ночную прохладу. Стараясь не шуметь, я вошёл в тёмный тамбур. Запах... этот запах не менялся годами — сырость, старое дерево и старость.

Не сильно постучав в дверь прихожей, я открыл ее. Передо мной оказалась сидящая на старом кресле моя бабушка Нюра, а возле нее на полу, спиной ко мне, сидели двое ребят 6-ти и 7-ми лет - Никита и Лера. Услышав движение со стороны входной двери, они как по команде одновременно повернулись с широко раскрытыми глазами, в которых отчетливо виднелся испуг. Я сразу предположил, что бабушка, как и нам с братом в детстве, рассказывала разные истории о домовых, леших и кикиморах, после чего мы подолгу не могли заснуть. Эти истории отложились в памяти, как клеймо. Я и сейчас вспоминаю эти небылицы время от времени, и тревогу, которую они вызывали.

Сейчас бабушка несколько секунд вглядывалась в меня, пытаясь сфокусировать зрение и определить, кто решил понаведываться в вечерний час к ним в дом, после чего улыбнулась и произнесла: - Здраааавствуй, Маркел! - протяжно поздоровалась бабушка. - Привет, бабуль. - с улыбкой ответил я, подойдя к ней и обняв ее. Ребяшня просто сказали "Здравствуйте", оголив тот факт, что мы не так часто видимся. Спустя некоторое время вышел мой дядя - Андрей: - Здоров, Марк! Надо было предупредить, что ты едешь. Я как раз сегодня ездил в город, заодно подвез бы тебя и не пришлось трястись в ПАЗике! Усатый здоровяк подошел ко мне ближе, мы поздоровались и обнялись. Из-за его спины показалась его жена - стройная женщина с длинными ухоженными волосами. - Привет, Марк! - держа дистанцию, поприветствовала меня Ольга. - Привет - ответил я, кивнув в ее сторону. - А Сергей где? - Так на улице гуляет! В

его возрасте сидеть дома в такую теплынь - сумасшествие! Вспомни себя в своем возрасте. - задорно ответил на мой вопрос Андрей. - Проходи, как раз Ольга ужин приготовила, расскажешь как добрался и как у тебя дела. Проходи!

Выдохнув, все мы спустя некоторое время отправились на кухню, где очень долго сидели за разговорами. Со временем бабушка и молодняк отправились спать. Ольга пошла отдыхать в свою спальню, а мы с Андреем сидели и долго общались на всякие разные темы. Ближе к 02:30 я услышал шум в прихожей, а спустя время, стараясь не шуметь, в проеме кухни показался Сергей. Высокий светловолосый парень, который с каждым моим приездом становился все взрослее и взрослее. - Здорово, браток! - подошел я к нему, протянув руку. - Привет, брат! - ответил он мне, приняв рукопожатие и мы обнялись, как братья, которые давно не виделись. - Давай мой руки и присоединяйся, - спокойным голосом из-за стола произнес дядя, - гречку надо будет разогреть, а то уже остыла.

Сергей сделал все так, как сказал Андрей и мы втроем продолжили долгую беседу, добавляя вкусный ужин вином, домашнего производства Андрея. Сергею подливали втихаря, потому что Ольга была категорически против, и она имела привычку бесшумно навестить нас в любой момент во время нашей посиделки.

Мы разошлись по кроватям на рассвете. Я лёг на старую кровать, изголовье которой скрипело при малейшем движении. Долгое время я лежал с открытыми глазами, слушая шорохи за окном и скрип половиц в доме, слишком тихий, чтобы быть шагами... Домовой? Нет. Я уже не такой наивный, как в детстве и это не послужит поводом для бессонницы. После некоторого времени я все таки уснул, проспав до самого обеда.

3. Бесконечность темного пространства

Про мою тихую гавань я рассказал для общего понимания, чтобы вы имели представление о моем происхождении. Кто-то из вас мог задаться вопросом "про бабушку понятно, а где дед?". Специально для вас расскажу - дед ушел из жизни, когда мне было 6 лет, угорел в бане. В нашей глубинке особо диагноз не ставили - помер дед и помер, перегрелся в бане, сердце не выдержало, возможно, инсульт. Нам же бабушка, сидя на своем любимом кресле, рассказывала, что дед в баню почти в полночь пошел, растопил ее так сильно, что ненароком банника потревожил, банник разозлился и наказал деда, но силы не рассчитал и дед не выдержал. Мы в то время в это верили, и когда зимой темнело рано и нас вели в баню по темноте, нам было невероятно страшно - Сергей даже пару раз не пошел мыться, закатив истерику. Казалось бы, всего лишь байка, рассказанная бабушкой, но эта байка оставила отпечаток в сознании, который до сих пор напоминал о себе, когда приходилось идти в баню по темноте.

Лето в деревне проходило спокойно, мне даже казалось, что время там течет медленнее, чем в суетливом городе. Я помогал дяде Андрею по хозяйству, Ольге помогал с огородом. Сергей целыми днями пропадал на улице. Когда нам доводилось посидеть пообщаться, он рассказывал про своих друзей, про своих недругов, про разные истории, про то что у него тут появились отношения, с которыми не все так просто. Если честно, я особо не вникал - мне не особо было интересно слушать страдания подростка, которые скорее всего закончатся и забудутся. Подростковая влюбленность, гормональные страдания, тоска зеленая. Я же любил поздним вечером прогуляться по деревне, пройтись до речки, вдыхая свежесть природы. Особо меня впечатляло ночное небо - звезды были видны в большом количестве, не то что в городе. Я мог часами стоять запрокинув голову, наблюдая за бесконечностью темного пространства. После очередного тяжелого знойного дня, я направился откиснуть в баньке, после чего пошел погулять. Тихая безветренная погода оголила небосклон, показав всю россыпь звезд, которые казались гораздо ближе, чем обычно. Огромная полная луна только подчеркивала чистоту звездного неба. Я с большим удовольствием ходил запрокинув голову, вглядываясь в созвездия. В один из таких вечеров я вернулся с прогулки, на кухне меня встретил дядя Андрей, который предложил домашнего вина. Мне очень нравилось его вишневое вино, еще больше нравилось виноградное, однако в прошлом году погода сорвала весь урожай и лишила нас выбора. Мы расслаблялись, смакуя кисло-сладкий напиток, в течении нескольких часов. Домашние уже легли спать, кроме нас с Андреем и гуляющего до полуночи Сергея. Как раз ближе к полуночи и вернулся с прогулки Сергей. - О, уже пришел? Всех комаров накормил? - встретил гулену Андрей. - Да сегодня пораньше разошлись. Нагулялись. Рите завтра рано вставать - они с родителями поедут в город по делам. - отчитался Сергей. Рита, как я понял, была его девушка, с которой у него скорее всего не получилось погулять вдвоем. - Понятно. Голоден? Кушать будешь? Может красненького? - продолжил дядя. - Или сперва в баню сходишь, пока не остыла. - Да, наверное схожу сначала. Сергей взял полотенце и направился мыться, а мы с Андреем продолжили посиделки, разговаривая о домашних делах и о планах построить новый навес для скотины. Спустя некоторое время вернулся брат, весь красный от прогрета. - Ого, ты чего так долго? Мы уж думали ты там уснул. - увидев Сергея обратил внимание на его долгое отсутствие дядя. И в правду, я осознал, что его не было около часа или полтора. - Тяжеловато мытье далось в этот раз. Раскопегарил ты ее сегодня конечно.. Она до завтрашнего вечера не остынет. - Хахаха! - вполголоса посмеялся Андрей. - хотелось сегодня нормально кости прогреть. - ну айда, дрябни вишневки. Тут немного осталось, а я еще схожу. Андрей долил остатки в маленький стакан, встал и направился в кладовую за добавкой. Мы остались на кухне с братом вдвоем. - Как самочувствие? Не перегрелся? - поинтересовался я. - Не, самое оно. Знаешь, по темноте ходить в баню отдельное удовольствие. Можно выйти на улицу голышом. - ответил улыбаясь

Сергей. - Про это бабушка в детстве не рассказывала. Мы слегка улыбнулись, вспоминая страшилки бабушки и каждый вспомнил ту тревожность и страх, с которыми мы пытались уснуть после ее рассказов. Брат улыбнулся, но в его взгляде читалась какая-то тревога и страх. Тогда я подумал, что это связано с подростковыми переживаниями и гормональной любовью.

4. Разговор "по душам"

Жара и засуха не отпускали эти края до самой середины июля. Земля, изголодавшаяся по влаге, поднимала в воздух большое количество пыли. Ее было очень много и она была везде: в доме, на машинах, на листьях деревьев и на траве, в волосах и на коже. Мы каждый вечер всей большой семьей проводили время в огороде нашего дома, поливая все растения, чтобы жара не уничтожила урожай. Никто не пропускал это мероприятие, даже дети Ольги и Андрея, так как в это время мы могли пообливаться водой, а после полива Андрей или Сергей подтапливали баню. В такую жару на растопку уходило мало дров, поэтому это делали практически каждый день. С недавнего времени я стал замечать, что Сергей весьма активно участвует в организации бани - спрашивает когда можно начать топить, нужно ли съездить за дровами, или может растопить ее днем. После очередного его вопроса, о сегодняшней помывке, когда мы вдвоем несли воду в ведрах в теплицу, я все-таки спросил:

- Сергей, у тебя все в порядке? есть какие то проблемы? - спросил я, стараясь быть ненавязчивым.

- Да вроде нет. Почему ты спросил? - сергей ответил с подозрением, игнорируя мою попытку быть ненавязчивым.

- Ну, лично мне, кажется странным твоя одержимость баней. Может есть проблемы со здоровьем? При том, что ты отказываешься идти вместе, даже при условии, что я угощу тебя пивом. - с ноткой юмора и улыбкой задал я этот вопрос. Мне не хотелось давить на него, чтобы он не закрылся и не переживал свою проблему в себе, что может привести к большим проблемам.

- Да нее, не переживай. Все правда в порядке. Я просто подрос и мне хочется самостоятельности. - он попытался ответить убедительно и уверенно, у него почти получилось, но я уловил нотку тревожности. - Если хочешь, погнали сегодня вместе, раз уж ты заговорил о пиве. - он постарался пошутить и посмеяться.

- Да, давай. Пойдем последними, чтобы никого не задерживать, поболтаем как раньше до поздна. - я ответил с пониманием, чтобы не показывать своё подозрение. Сергей кивнул и зашел в теплицу первым, заливая помидоры водой.

Конечно же можно подумать, что парень молодой, организм растущий, формируется только и лезть в его личную жизнь не стоит. Я все это понимаю и если это так, то я перестану его ковырять, но если там есть проблемы, то, как старший брат, я обязан оказать ему поддержку. Тем более, я заметил, что он стал менее общительным и замкнутым, поэтому беседа тет-а-тет должна хоть как-то прояснить ситуацию с его странным поведением.

Солнце уже давно покинуло горизонт, звездное небо рассыпалось на небе. Мы сидели на кухне в тот момент, когда Андрей зашел в дом и тяжело дыша, раскрасневшийся, прошел к нам. Он, определенно, выжимал из парилки все соки. Зашел в набедренном полотенце, подошел к банке с чайным грибом и запрокинув ее над собой, аккуратно чтобы сам грибок не проскочил в его рот, сделал около десяти жадных глотков. После того, как он оставил банку в покое, выдыхая, произнес: - Идите быстрее, пока не остыла. Мы же с Сергеем молча встали и направились к выходу, по пути захватив подготовленные полотенца со сменным бельем, накинули тапочки и по тропинке в ночной темноте потопали в сторону одинокого светящегося окна бани, служившим ориентиром в такую темноту.

Не следя за временем, мы сидели и грели кости, попивая пиво которое я пронес завернутом в полотенце так, чтобы Ольга не увидела - она всегда была категорически против того, чтобы Сергей употреблял алкогольные напитки не достигнув 18 лет. Сергей был чем-то взволнован, но визуально этого не показывал. Истины я от него не добился, хотя, как мне кажется, я весьма искусно задавал наводящие вопросы. В конечном итоге я решил сам поделиться тем,

что меня не отпускало, а именно о том случае с женщиной, которая рухнула с балкона. И о той странной галлюцинации в виде черного шара. Я не рассказывал об этом никому и вот сейчас настало время. Сергей слушал и молчал. Его интерес начал подогреваться, когда я дошел до момента с черным шаром. Как будто он открылся в этот момент, как будто я угадал с причиной его поведения.

- Тоже видел что-то подобное? Поэтому ты такой в последнее время? - спросил я Сергея, в момент когда он, как мне показалось, начал проявлять особый интерес к моему рассказу.

- Может быть. - ответил он мне. - Понимаешь, в последнее время я стал чаще задумываться о том, что наша бабка рассказывала нам не такие уж и вымышленные рассказы. - в голосе Сергея появилась заметная нотка тревоги.

- Можешь рассказать подробнее?

- Не знаю. Я не очень уверен, что это будет хорошей идеей. Вдруг ты подумаешь, что я с шизой обнялся? - произнес он окидывая помещение бани взглядом. - Или может ...

В этот момент лампочки слегка потеряли в яркости, а Сергей моментально заткнулся, опять окинув помещение взглядом. Я сделал то-же самое, не заметив ничего подозрительного. Все в помещении было вполне естественным - мокрые полки, уставшие белые занавески на окнах, огромная печка с баком горячей воды, отбрасывающая неестественно огромную тень, накрывающую всю скамейку, которая стояла неподалеку.

- Похоже банник. - попытался отшутиться я.

- Давай потом поговорим на эту тему? - продолжил Сергей.

5. И раздался крик

Кухня наполнялась уютным светом лампочки под потолком, который разливался жёлтым пятном по потрескавшейся скатерти, старым чашкам с чаем и чайником. На стене тикали часы с кукушкой, но кукушка давно молчала — только стрелки скрежетали в глухой тишине. Я сидел за столом с тётей Ольгой, а дядя Андрей в полголоса шутил, отпивая из тонкого, потемневшего от времени стакана свою вишневку. Сергей ушёл мыться в баню минут сорок назад. Или больше. Мы не сразу заметили, как быстро улетело время. Ольга, привычно поджав губы, косилась на окно. Снаружи — лишь ночь и тишина. Время было уже позднее.

— Что-то долго он сегодня, — пробормотал дядя, вставая. — Пойду воды отнесу. Заодно проверю, не сварился ли.

Я кивнул, не особенно тревожась, просто вяло глядя, как он набрасывает ветровку и берёт ведро. Дверь хлопнула, и дом снова стал слишком тихим. Я подлил себе ещё немного кипятка в кружку с чаем, а Ольга достала из старого серванта банку с вареньем — вишнёвым, сладким до тошноты, но сейчас оно казалось даже уместным.

— Ты знаешь, — сказала она, медленно помешивая чай, — после того случая с твоим дедом, я к этой бане до сих пор без дрожи подойти не могу. С виду простая избушка, а как войдёшь, будто тревогой накрывает...

Я только кивнул. На улице был август, но вдруг стало зябко, как будто всю духоту от жаркого дня резко куда-то унесло. Часы продолжали скрипеть. Прошло десять, может пятнадцать минут. Я собирался что-то сказать — скорее всего, просто чтоб разрядить обстановку, — как вдруг тишину пронзил дикий крик. Это не был обычный зов. Он бил по ушам, как ржавый колокол, был полон ужаса и чего-то животного. Крик дяди Андрея.

— О, Господи... — выдохнула тётя. Я вскочил, едва не опрокинув стул.

Дверь распахнулась так резко, что стукнулась о стену. В проёме стоял дядя. Его лицо было бледным, рот приоткрыт, будто он хотел что-то сказать, но слова не шли. На руках у него, свисая как тряпичная кукла, лежал Сергей.

Я сначала даже не понял, что с ним не так. Только потом заметил — глаза открыты, но в них не было ни страха, ни боли, ни даже осознания. Они смотрели в потолок, мимо нас. Рот приоткрыт. Кожа — странного пепельного цвета, как будто из него вытянули всё тепло.

— Он... он просто сидел там. Я звал его, а он не двигался... — прошептал дядя, тяжело опускаясь на колени. — Руки ледяные. Он... он уже...

Тётя закричала. А я стоял, и не мог сделать ни шага. Гулкое эхо крика ещё звенело в ушах, а за окном — такая же тьма, как в ту ночь, когда дед ушёл в баню и не вернулся.

Прошло три дня. Три липких, душных летних дня, которые я не могу вспомнить до конца. Всё будто застыло в каком-то плотном, вязком тумане — и жара, и звуки, и даже время.

Сергей лежал теперь в доме культуры, в гробу, которого он никогда не увидит. Его лицо уже не было его лицом. Оно стало маской, и я каждый раз отворачивался, когда заходил внутрь. Местные бормотали под нос привычные фразы: «Сердце, наверное молодые сейчас слабые», «жара, баня — опасное дело». Но никто не говорил это с уверенностью. Никто не смотрел мне в глаза.

Дядя Андрей ходил, как тень. Он так и не смог объяснить, что именно увидел там, в бане. Говорил: «Просто сидел будто ждал будто замер». А потом замолкал и начинал молча строгать какие-то доски во дворе. Тётя вообще почти не разговаривала. Лишь вечером ставила чай и тихо сидела у окна, глядя в пустоту. Я пытался говорить с ней, но она словно не слышала. Бабушка Нюра с тех самых пор, как принесли Сергея на руках, словно ссохлась. Она сидела в своем привычном, вытертом временем кресле у окна, глядя куда-то за стекло, сквозь сад,

сквозь деревню, сквозь всё живое и неживое. Руки её лежали на коленях — тонкие, с синими прожилками, и лишь иногда подрагивали, когда в груди поднималась новая волна.

Она почти не разговаривала. Только плакала. Не навзрыд, не по-театральному, а так, как плачут старые деревенские женщины, потерявшие больше, чем могут вынести. Беззвучно, сжимая губы, сотрясаясь тонкой дрожью. Слёзы текли по морщинам, как вода по трещинам старого дерева, и впитывались в выцветший платок, который она всё время держала в руках.

Иногда она начинала шептать — кому-то, кого не было рядом.

– За что, Господи... за что?.. – произносила она, не ожидая ответа.

– Молодой... сильный... Он ведь только жить начал...

– А Серёжа-то... чего же он?.. чего же он туда пошёл один?..

Эти слова шли по кругу, как заезженная пластинка, и становились мантрой боли, обиды и бессилия. Иногда она замолкала на часы, а потом вдруг будто вспоминала что-то и резко вскидывалась:

– Я ж говорила... я ж говорила, чтоб не шли по тёмному-то... не тревожили – потом замолкала, будто испугалась собственных слов, и начинала креститься, глядя в пол.

Никто её не перебивал. Никто и не пытался. Мы понимали — если тронуть, если пытаться утешать, она развалится окончательно. Так она и сидела — не ела почти, не пила, только пила чай с чабрецом, который сама же заваривала. Старалась держаться. Но глаза у неё были другие. Не те, в которых вечно плескалась деревенская строгость с ласковым огоньком. А тёмные, выжженные, пустые.

А я... я не мог заснуть.

Каждый раз, когда закрывал глаза, я видел брата — сидящего в полумраке бани, с открытыми глазами, с каплями воды на плечах, уже мёртвого. И видел, как он поворачивает голову. Смотрит на меня. И говорит: "Понимаешь, в последнее время я стал чаще задумываться о том, что наша бабка рассказывала нам не такие уж и вымышленные рассказы."

Наш разговор в бане, который мы так и не закончили, погружал меня в мысли о том, что не все так, как кажется на самом деле. Сначала я говорил себе, что это просто горе. Усталость. Невроз. Но что-то внутри меня шептало: это не случайность. А потом я вспомнил бабушкин рассказ. Про банника. Про то, как он может забрать, если его тревожить. Раньше это было просто детским ужасом — сказкой под одеяло. Теперь же эта сказка вдруг обрела форму. Она начала пахнуть — дымом, потом и железом. Она сидела у меня на плечах и шептала в ухо.

Прошло несколько дней. Всё в доме застыло в тишине, как в затхлой воде. Даже птицы за окном, казалось, пели вполголоса. Я не мог спать. Каждую ночь я ворочался, прислушиваясь к скрипам, к ветру за окном, к каждому шелчку. Меня не отпускала мысль — что-то в ту ночь в бане было. Что-то, чего мы не увидели.

Я решил сам пойти туда. Проверить. Понять. Ответить себе — есть ли повод для страха или это всё просто горе и разбитое сердце, нашёптывающее чушь.

Вечером, когда все легли спать, я взял полотенце, налил воды в шайку, разжёл печь. Сначала всё было обычно. Жар поднимался равномерно, лёгкий пар оседал на плечах. Но когда я сел на нижнюю полку, мне вдруг показалось, что что-то не так. Пространство будто дышало отдельно от меня. Как будто воздух чуть подрагивал, словно от присутствия ещё одного тела, чьё тепло невозможно было уловить.

Я поднял голову — и на миг мне показалось, что задвигалась тень в углу, там, где не горела тусклая лампа. Я моргнул, потер глаза — тень исчезла.

Я встал. Сердце билось чаще. По спине покатился холодный пот. Я хотел убедить себя, что перегрелся, что разыгралось воображение. Но в следующее мгновение лавочка, на которой лежал веник, прогнулась — будто кто-то опустил на нее.

Я почувствовал... запах. Не пар, не хвоя, не древесный дым. А что-то сладкое, густое, пьянящее, будто аромат цветов.

В уши ударил еле слышный шелест. Нежный, влажный почти ласковый. Я замер.

И тогда... она проявилась. Не полностью. Скорее — ощущением. Невидимым, но всем телом ощутимым давлением. Что-то... женское. Хищное. Прекрасное и ужасное одновременно. Я не видел лица, не слышал слов, но в голове стали возникать образы — как будто кто-то листал страницы памяти, чужой и своей. И среди них — Сергей. Его страх и любовь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.